

СОДЕРЖАНИЕ

СТАЛЬНЫЕ БОГИ	9
ГЛОССАРИЙ	571
БЛАГОДАРНОСТИ	573
ОБ АВТОРЕ	574

Кева

От приглашения Тени бога не отказываются, даже если ты ветеран двадцати сражений и на твоём счету больше смертей, чем волос в бороде у шейха. Несколько недель назад я покинул свою кузницу и отправился в экипаже до Костани, резиденции царя всех царей. Вот, наконец, я проехал через ворота — и тут же содрогнулся от рыбного смрада на улицах. Но этот город, когда тут не несет рыбой, пахнет домом: здесь я вырос, научился любить и ненавидеть.

От прогулки по большому базару звенело в ушах. Здесь стоял постоянный гул — люди спешили купить ковры с геометрическим узором из Аланьи, яркие кашанские специи и уродливых металлических идолов. Крики, беготня и толчки пробудили воспоминания о поле битвы; мне уже хотелось сбежать куда-нибудь подальше. Чтобы снять напряжение, я хотел было зайти в кофейню, покурить кальян со вкусом вишни и выпить наперсток крепчайшего черного кофе, но решил, что шах уже и так меня заждался.

Тронный зал Небесного дворца не был самой высокой точкой в городе, эта честь принад-

лежала Голубым куполам, но он стоял на холме над Костани и взирал на город, как взирали бы многие воображаемые боги. Зеленый купол дворца напоминал тюрбан, а остальная часть переливалась под полуденным солнцем жемчужным блеском.

Площадь была заполнена садами и фонтанами и отделана белым мрамором. Над воротами возвышались грозные шпили. У ворот несли караул преданные солдаты-невольники шаха — янычары. Однако юный янычар в одежде из ярко-желтого и розового хлопка не поверил, что я и есть знаменитый герой Кева, явившийся по приглашению шаха.

— Ты тот самый янычар, который пешим бился сразу с двенадцатью рыцарями в доспехах? — спросил он, недоверчиво вытаращив глаза. — Они что, были пьяны?

— Нет, зато твоя мать, когда увидит, что я собираюсь с тобой сделать, напьется до одурения. — Это старая янычарская шутка, совершенно безобидная, ведь мы не знали своих матерей. — В шестнадцать я тоже охранял эти ворота. А к восемнадцати уже пролил кровь в семи сражениях. В двадцать лет... Да ты и сам знаешь. Я не собираюсь болтать тут с тобой попусту, когда меня ждет Величайшая звезда.

Юный янычар прикусил дрожащую нижнюю губу и выдал улыбку.

— Легенда возвращается, — сказал он. — Его величество ожидает тебя.

Он проводил меня в огромный зал, где на золотистой оттоманке сидел шах. Сверху взирал на все происходящее глазами из настоящих рубинов золотой павлин Селуков.

— Кева Кузнец, — сказал шах. — Даже некоторые евнухи имеют титулы лучше.

Он был в лавандовой парче с рисунком из павлинов — символом Дома Селуков. Его золотой тюрбан, опущенный почти до точеных бровей, украшали настоящие павлиньи перья. Однако борода у него была как у воина — подстриженная, но достаточно густая, чтобы вызывать уважение. Несмотря на всю напыщенность, в нем чувствовалась твердость.

— Ваше величество. — Я склонил голову. — Бывший раб ценит любой титул.

— Чушь. — Шах встал с оттоманки, и в воздухе раздалась пронзительная трель цикады. — Я освободил тебя и дал достаточно золота, чтобы ты до конца своих дней мог бездельничать, а вместо этого ты день-деньской грохочешь молотом. Ты единственный неблагодарный на моем пути.

— О вас можно сказать то же самое.

Шах засмеялся так, что затрясся живот.

— Вот это старый добрый Кева. Сабля остра, но язык острее.

— Я рад снова с вами увидеться.

— А напрасно. Лучше бы у меня не было причин тебя вызывать. — Шах Мурад вздохнул с таким звуком, словно из кожаного мешка выпустили воздух. — Очередной маг разжигает смуту. Ты должен принести мне его голову.

Совсем не то, чего я ожидал, но моя спина и голос не дрогнули.

— Никакого приветственного пира. Никакого парада. Сразу к делу.

— Прошу прощения, я принял тебя за воина. Но, если тебе нужны церемонии, давай пройдемся.

Мы вышли из тронного зала в сад наслаждений. Ветер колыхал прекрасные цветы. Над верандой порхала

птица-носорог, так быстро хлопая золотисто-зелеными крыльями, что не уследишь.

— Я повелел каждому послу привезти с его родины птицу. Теперь здесь обитают певчие птицы со всех восьми уголков света, — сказал шах.

Похожий на копые клюв пушистой круглой птицы, сидящей на ветке над нами, мог запросто выколоть глаз.

— А они не могут просто улететь?.. — спросил я.

— Ха! Даже птицы знают, где самая великая страна. Они куда умнее тебя.

— Надеюсь, у вас хватит ума придумать другой план, — сказал я. — Я не могу убить мага.

— Но одного ты уже убил. И ты единственный в мире человек, оставшийся после этого в живых.

— Мне повезло.

— С помощью одного везения магу голову не снесешь. — Шах изучающе посмотрел на меня. Уж конечно, он заметил поредевшие с годами волосы и брюшко, которое уже не мог скрыть даже самый тугой кушак. — Скажи-ка, Кева, чего ты хочешь?

— У меня есть все, что мне нужно, благодаря вам.

— После Лунары прошло почти десять лет. Пора взять новую жену.

— Мы до сих пор женаты.

— Нельзя быть женатым на покойнице.

Я сжал за спиной кулак. Как он смеет так говорить?

— Она не умерла.

Над головой пролетела стайка черных птиц с серебреными клювами, их темные глаза сверкали красными всполохами. Шах поднял брови и посмотрел на меня с жалостью.

— Если женщина уже десять лет не дает о себе знать, она все равно что умерла. Источник говорит,

что муж должен выждать всего пять лет, ты прождал вдвое дольше. Тебе ведь почти сорок, верно?

— Исполнится сорок через семь лун.

Я разжал кулак, надеясь, что шах наконец перейдет к делу.

— У тебя седина в бороде и нет детей. Тебе нужна юная жена, готовая рожать. У меня при дворе таких множество, из одной надоедливой семьи или из другой. Убей мага, и можешь выбирать любую.

— Чтобы сражаться за вас, мне не нужна награда. Вам достаточно попросить.

Шах Мурад усмехнулся, совсем не царственно, и этим напомнил себя в юности, когда ел кожу своих сапог во время осады Растергана.

— Ты думаешь, что я посылаю тебя на смерть.

— Я готов умереть ради вас. Всегда был готов.

— Вот же болван! Мне не нужно, чтобы ты умирал за меня! Я хочу, чтобы ты тряхнул стариной и убил мага!

— По правде говоря, я не знаю, как мне удалось убить того мага, — признался я. — Сам всегда удивлялся. И постоянно об этом думаю. Маг заставил тучи засыпать нас острыми, как алмазы, градинами. Одна рассекла воина пополам, от шлема до паха. Столько человек полегло. — Я с трудом удержался от дрожи. — А затем Лунара отвлекла мага как раз в тот момент, когда я занес меч. Раз! И его отсеченная голова в маске уже лежит у моих ног.

Описывая все это, я воскресил кошмарный сон, после которого никак не мог проснуться.

— Нет-нет-нет, — с царственным презрением взглянул на меня шах. — Помню, как ты бахвалился, что отсек ему голову одним махом. И маску его выставил напоказ, как будто это отрезанное ухо, которое

ты повесил себе на шею. Слишком поздно скромничать.

— Может, и так, но тогда я был проворнее и сильнее...

— Ты просто трусишь! — Крик шаха вспугнул стайку попугаев, и они вспорхнули в небо. Стражники-янычары выпрямили спины. — Я не прошу. Я приказываю. Ты убьешь мага. А после вернешься ко двору и выберешь самую молодую, самую светловолосую девушку с самыми большими титьками и навсегда выбросишь из головы Лунару. Откажешься выполнять приказ, и я скормлю твою голову своим птицам.

Неужели я покинул свой деревенский домик и проехал сотни миль, чтобы умереть?

Я заставил себя склонить голову.

— Я никогда не отказывал шаху, не откажу и сегодня.

Нельзя просто явиться к магу и снести ему голову. Сначала нужно подготовиться. А потому я отправился к человеку, который тренировал меня, когда я был еще мальчишкой.

Крепость Тенгиса выглядела в точности так, как я ее помнил: три этажа из песчаника, пыльный двор и казармы, навевающие сладкие и горькие воспоминания. Не считая порхающих в небе голубей, стояла тишина. Во дворе не тренировались янычары, никто не ловил рыбу на берегу озера. Я проглотил нервный страх, наполнивший меня при мысли о том, что я увижу семью, которую покинул десять лет назад. Я отряхнул кафтан и дрожащей рукой постучал в большую деревянную дверь.

Сделав глубокий вдох, я приготовился увидеть потрясенное лицо Тенгиса, но мне открыла девушка.

Она прикрыла рот рукой.

— Папа?

Я понятия не имел, кто она такая.

— Это я, Мелоди, — сказала она.

И тогда я понял — ее лицо стало худым, а курносый нос заострился. Она обняла меня прежде, чем я успел вставить хоть слово.

А потом отпрянула и дала мне пощечину с такой силой, что у меня зазвенело в ушах.

— Ты не приезжал и не писал. И вдруг являешься откуда ни возьмись и даже не узнаешь свою названую дочь.

Когда боль отступила, я потерял саднящую щеку. Мелоди топнула ногой и скрылась в крепости. Прежде чем дверь успела захлопнуться, я проскользнул внутрь. Прихожая сильно изменилась — теперь пол покрывали выцветшие разномастные ковры, из-под ног поднималась пыль, от запаха плесени я даже закашлялся. Неужели никто не смотрит здесь за порядком? На стене рядом с нечищенной саблей висела покрытая каллиграфическими надписями аркебуза с фитильным замком. Когда я стал подниматься по лестнице, ступени закрипели.

Тенгис сидел за низким столиком на полу главного зала и выстукивал по печатному прессу. Такие привозили из Шелковых земель, написать что-то так было быстрее, чем пером. Старик разбросал по комнате металлические детали и хитроумные приспособления, устроив страшный беспорядок. Он уставился на меня, разинув рот от удивления, и сказал:

— Ах ты козлиное дерьмо!

Старик — это мягко сказано. Когда речь заходит о Тенгисе, слова просто меркнут. Его усыпанная пигментными пятнами кожа напоминала ковер, сотканный слепцом.